

Памяти нашего консула въ Албаніи Григорія Степановича Щербины.

Когда мнѣ случилось читать въ № 9 „Историческаго Вѣстника“ за прошлый 1915 годъ статью бывшаго російскаго консула въ Ванѣ А. М. Колюбакина—„*Нѣмецъ шпіонъ въ Азіатской Турціи*“, передо мной вдругъ сталъ въ воспоминаніи и неотвязно стоялъ мой хорошій знакомый по Чернигову, російскій консулъ въ Турціи Григорій Степановичъ Щербина.

Сначала мнѣ показалось, что въ этомъ играло роль простое, въ основѣ ничего не означавшее, совпаденіе должностей:—нашъ консулъ въ глубинѣ Малой Азіи, нашъ консулъ въ Европейской Турціи—вотъ и все.

Но вдумавшись въ это и разобравшись со своими мыслями, я очень ясно представилъ себѣ, что сопоставленіемъ иного характера народилось во мнѣ, при этихъ обстоятельствахъ, настойчивое и ясное воспоминаніе о крайне симпатичномъ, достойнѣйшемъ Григоріи Степановичѣ.

Уроженецъ города Чернигова Г. С. Щербина, въ бытность мою губернаторомъ ¹⁾ въ его родномъ городѣ, отъ времени до времени, пріѣзжалъ домой на побывку и съ особымъ удовольствіемъ проводилъ достававшіеся на его долю дни и недѣли, въ которые онъ могъ тамъ отдыхать среди ро-

¹⁾ 1894—1903 г.г.

дителей, а также въ обществѣ товарищей, друзей дѣтства своего и вообще среди своихъ земляковъ.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1886 г., онъ, окончивъ съ серебряною медалью курсъ гимназiи въ Черниговѣ, выѣхалъ изъ этого, дорогого его сердцу, города въ Москву, гдѣ поступилъ въ Лазаревскiй институтъ восточныхъ языковъ. Прохожденiе курса въ этомъ учебномъ заведенiи, послѣ того въ учебномъ отдѣленiи Азиатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, пребыванiе въ должности аташе при российскомъ посольствѣ въ Царьградѣ, затѣмъ изученiе языковъ—арабскаго, турецкаго, персидскаго, татарскаго, грузинскаго и армянскаго,—все это, занявъ нѣсколько лѣтъ его юной жизни, обратило его изъ мальчика и юноши въ набравшагося очень солидныхъ знанiй молодого человѣка, который, блестяще написавъ и сдавъ диссертацию на турецкомъ языкѣ, былъ назначенъ секретаремъ нашего консульства въ Ускюбѣ, а затѣмъ третьимъ драгоманомъ при нашемъ посольствѣ въ Константинополь.

По приказанiю свыше, на него было возложено порученiе—сопровождать чрезвычайное посольство Ариф-паши, доставившаго Государю Императору драгоценные подарки султана Абдуль-Гамида по случаю коронацiи ихъ величествъ (1896 г.).

Исполнивъ вскорѣ послѣ того съ успѣхомъ особую секретную миссiю въ Египтѣ, Григ. Степ. принялся за исполненiе многотрудной консульской службы, каковую началъ, будучи назначенъ въ 1897 году вице-консуломъ въ г. Скутари въ верхней Албани.

Крайне способный, трудолюбивый, ко всему необыкновенно внимательный, онъ въ это время отлично изучилъ не только языки всѣхъ балканскихъ народностей, но и ихъ бытъ, взаимныя отношенiя, а также политическое положенiе. Прекрасно владѣя языками и нарѣчiями албанскимъ, сербскимъ, болгарскимъ и черногорскимъ,—онъ, по всѣмъ вопросамъ, его живо интересовавшимъ,—очень много писалъ, такимъ образомъ все, что въ бумагахъ его могло оказаться оставшимся послѣ него, несомнѣнно представитъ вообще громаднiй интересъ.

Проработавъ массу, потрудившись неизменно много и давно заслуживши право на отдыхъ, онъ, наконецъ, получилъ возможность желанной поѣздки къ себѣ въ родную среду и въ родной городъ, гдѣ былъ радостно встрѣченъ родными, друзьями, знакомыми и школьными товарищами,

успѣвшими за это время также твердо стать на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, кому, гдѣ и какъ довелось и какъ повезло.

Въ одинъ изъ своихъ прїѣздовъ въ губернію, онъ прїѣхалъ ко мнѣ, представился, какъ начальнику губерніи, и почти съ первыхъ словъ заговорилъ со мной о прошломъ моемъ пребываніи въ Турціи; это его очень интересовало.

Я съ нескончаемымъ удовольствіемъ слушалъ его крайне интересные рассказы о турецкой жизни и, въ большей части, отвѣчая на его вопросы, давалъ ему съ своей стороны въ сущности очень скудныя свѣдѣнія, набравшіяся у меня за время сравнительно короткаго пребыванія въ Европейской Турціи—въ моей военно-походной жизни по службѣ въ должности ординарца при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ и особо за время короткаго военно-походнаго перелета черезъ предѣлы Малой Азіи, въ которую я, по волѣ великаго князя, былъ, какъ извѣстно, тогда командированъ.

Въ высшей степени деликатный и всегда особо доброжелательно настроенный, Григорій Степановичъ всегда слушалъ мои, въ сущности, довольно пустячные рассказы съ тѣмъ большимъ интересомъ, который могъ меня во всякое время заставить воображать, будто бы я дѣйствительно даю ему что-то новое и, пожалуй, занятное.

Одинъ разъ въ промежутокъ между двумя прїѣздами къ намъ Григ. Степановичу удалось удержать въ лонѣ православія болѣе десяти тысячъ православныхъ албанцевъ, рѣшившихъ было, подъ вліяніемъ вѣчно интриговавшихъ католическихъ патеровъ, перейти въ католичество. Переходъ этотъ былъ остановленъ и не состоялся исключительно, какъ описывали тогдашнія газеты, благодаря его личному вліянію, проявленному съ полной энергіей и съ выходящею изъ ряда смѣлостью.

Съ большимъ оживленіемъ и съ безконечной скромностью Г. С., въ послѣдовавшей затѣмъ прїѣздъ свой, рассказывалъ объ этомъ эпизодѣ, подчеркнувъ при томъ, что въ немъ ему пришлось имѣть противъ себя, кромѣ настойчиваго

стремленія ксендзовъ, еще большее проявленіе усилій со стороны австрійской дипломатіи.

Въ тотъ пріѣздъ Григорію Степановичу пришлось проѣхать въ сѣверную столицу нашу для держанія такъ называемаго дипломатическаго экзамена, который, мимоходомъ сказать, былъ сданъ имъ блестяще, такъ какъ онъ, кромѣ всѣхъ перечисленныхъ выше языковъ и нарѣчій, прекрасно владѣлъ языками французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ и нѣмецкимъ.

К. П. Побѣдоносцевъ, близко ознакомившись съ дѣятельностью консула Щербины вообще, а въ особенности съ той ролью, которую ему довелось такъ бойко сыграть въ дѣлѣ остановки перехода массы албанцевъ изъ православія въ католицизмъ, отнесся къ нему съ особымъ вниманіемъ и лаской.

Къ нему особенное расположеніе и личную пріязнь питалъ князь черногорскій Николай, изучившій его дѣятельность и способности за время исполненія имъ обязанностей министра-президента въ столицѣ Черногоріи Цетинье до прибытія туда назначеннаго въ эту должность извѣстнаго дипломата нашего К. А. Губастова. Кромѣ того князь Николай очень цѣнилъ заслуги Щербины, блестяще исполнившаго возложенную на него по повелѣнію Государя обязанность сопровождать черногорскаго княжича Даніила въ Мекленбургъ-Стрелицъ ¹⁾. Здѣсь нельзя не отмѣтить, что онъ останавливалъ княжича, видя нѣкоторыя шероховатости въ поведеніи этого княжича, иногда необдуманно и легкомысленно сворачивавшаго съ пути добрыхъ къ Россіи отношеній на путь болѣе нравившейся ему приверженности ко всему австро-мадьярскому, куда силой своего вліянія безтактно перетаскивалъ его нынѣ убитый австрійскаго престола наслѣдникъ Францъ Фердинандъ, — этотъ злой геній и врагъ всего русскаго.

Пріятно отдать справедливость князю Николаю въ томъ, что онъ, съ большой твердостью, выражалъ глубочайшую благодарность Г. С. Щербинѣ при всѣхъ случаяхъ, когда ему доводилось лишній разъ выслушивать варианты о простой прямотѣ, проявлявшейся молодымъ консуломъ, находившимъ въ разное время необходимымъ дать первенцу князя Николая назидательный урокъ и съ тактичною смѣлостью поставить его на мѣсто.

¹⁾ Тогда состоялась женитьба Даніила на принцессѣ Мекленбургъ-Стрелицкой Югв; ее онъ впоследствии много обидѣлъ.

И всегда съ особымъ удовольствіемъ присматривался къ необыкновенно доброму, мягкому, почти дѣвичьему характеру Г. С. Щербины. Вообще надо отдать справедливость, крайняя, совершенно особая доброта отличаетъ характеры хохлацкой—т.-е. малороссійской молодежи: съ какимъ вниманіемъ они относятся другъ къ другу! въ особенности, какъ каждый малороссъ бываетъ съ молодыхъ лѣтъ нѣжно-внимателенъ къ товарищу неимущему, или больному, или вообще къ обиженному судьбой. Нигдѣ мнѣ не доводилось этой мягкости замѣчать въ такой мѣрѣ, какъ это приходилось подчеркивать, въ видѣ повальнаго, въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской за время моей службы въ той и въ другой.—Эта мягкость и доброта представляла нѣчто трогательное; каждый юнецъ въ тѣхъ краяхъ всегда готовъ на всѣ лады помочь ближнему: онъ охотно сниметъ съ себя все и отдастъ на поддержку сосѣду, товарищу, другу, брату, если видитъ, что тотъ маломальски нуждается.—А какъ каждый тамъ стремится тоже поддержать другого нравственно при нуждѣ въ томъ!

Всматриваясь въ это, нельзя было не придти къ тому заключенію, что извѣстное, народившееся нѣсколько лѣтъ назадъ у насъ на Руси „дружество и землячество“ создано было не иначе, какъ въ средѣ молодежи этихъ двухъ губерній; я въ этомъ твердо убѣдился и никогда не могъ придти къ убѣжденію въ необходимости осужденія этого проявленія взаимной сердечности, взаимнаго стремленія приходить на помощь ближнему.

Приглядѣлся я также къ тому, что Г. С. Щербина какъ-то умѣлъ, среди сплошной массы добрыхъ и мягкосердыхъ товарищей, выдѣляться совершенно особою мягкостью своего сердца и не разъ задумывался надъ тѣмъ,—какъ могъ онъ, по характеру своей службы, справляться въ той грубой, жестокой, дикой, почти разбойничьей, крайне распущенной, фапатичной средѣ, въ которую судьба его забросила, почти съ отрочества.

Я задавалъ ему иногда по поводу этого разные вопросы, а онъ всегда, съ полнымъ добродушіемъ, охотно на нихъ мнѣ отвѣчалъ подробными и прямыми разъясненіями, которыя вѣзъывались въ мою память. Вотъ въ этихъ-то его разъясненіяхъ и оказалась впоследствии для меня, не сразу разгаданная мною, тѣсная связь его рассказовъ съ крайне интересными повѣствованіями А. М. Колубакина; объ этомъ я расскажу ниже.

Е. К. Андреевскій.